

УДК 342.951 (470+571)

МЕДИАПРАВО В РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

**И. В. Микулина
Л. С. Шаталова**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
mikulina@bsu.edu.ru
450379@bsu.edu.ru*

Статья посвящена проблеме формирования нормативно-правовой базы в сфере медиаправа как части информационного права России.

Ключевые слова: медиаправо, информационное право.

Проблема нормативного регулирования правоотношений в сфере медиа может быть рассмотрена в аспекте необходимости обеспечивать нормальное функционирование современного социума, находящегося на этапе перехода к информационному обществу.

В Окинавской Хартии информационного общества (принята в 2000 г. странами «Большой восьмёрки») это понятие трактуется как нечто, позволяющее людям «шире использовать свой потенциал и реализовывать свои устремления», а его основой признаны такие демократические принципы, как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей [1, [http](#)].

Российская Федерация, опираясь на международные принципы создания информационного общества, сформулированные в Окинавской хартии, выработала Стратегию развития информационного общества (утверждена Президентом 7 февраля 2008 г.). Стратегия создана с целью повышения качества жизни граждан, обеспечения конкурентоспособности России, развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствования государственного управления с помощью информационных и телекоммуникационных технологий. Одним из инструментов для достижения этой цели авторы Стратегии назвали «развитие законодательства и совершенствование правоприменительной практики в области использования информационных и телекоммуникационных технологий» [2, [http](#)].

В рамках реализации вышеуказанной Стратегии в ноябре 2008 г. появилась государственная программа РФ «Информационное общество» на 2011 – 2020 гг. [3, [http](#)]. В Приложении к программе среди планируемых мероприятий указано «обеспечение развития законодательства и совершенствование правоприменительной практики в сфере информационных технологий», в частности, совершенствование законодательства в области авторского права, создание проекта закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам регулирования... сети Интернет». При выработке целей и задач Россия опиралась на международный индекс развития информационного общества (IDI) [4, [http](#)]. Таким образом, российская стратегия развития информационного общества строится вокруг упрощения доступа населения к информационно-коммуникационным технологиям.

Какие бы принципы ни лежали в основе стратегического управления в государстве, «все “удобства” информационного общества порождают многочисленные юридические проблемы» [5, 19]. Следовательно, необходим комплекс нормативных актов, помогающий эти проблемы решить. Ещё в 1975-ом году А. Б. Венгеров [см. 24] предложил выделить в отдельный блок такие правоотношения, а Ю. М. Батулин [см. 25]

впоследствии ввел в научный оборот понятие «информационно-компьютерное право»; позже в трудах М. М. Рассолова были определены взаимосвязи между разными отраслями права и информационным правом [5, 26].

Отрасль информационного права составляют *предметы, принципы и методы правового регулирования деятельности и отношений в области формирования и использования информационных ресурсов, технологий и коммуникаций и их сетей, организации управления процессами информатизации и обеспечения информационной безопасности граждан, государства и общества в целях удовлетворения их информационных потребностей и обеспечения процессов развития общества* [6, с. 32].

В разных странах предмет и объект информационного права определяются по-разному, единства мнений нет даже между учёными, исследующими одну и ту же систему права. Наиболее общее понятие объекта информационного права предлагает И. Л. Бачило. Объектом она считает *отношения физических и юридических лиц, органов публичной власти и иных организаций по поводу реализации своих прав и обязанностей относительно этих предметов как на стадии их создания, включения в оборот (часто рынок), так и на стадии их использования в различных сферах жизни общества* [7, с. 29].

Предметную область информационного права на взгляд И.Л. Бачило составляет «*совокупность реально существующих материализованных результатов творчества и труда, воплощённых в информации... и формируемых на этой основе информационных ресурсах, средствах и технологиях работы с информацией и средствах и технологиях коммуникации информации по сетям связи*» [7, с. 27]. С этим суждением в целом соглашаются и другие исследователи, среди которых авторы учебных пособий по информационному праву: О. А. Городов, Н. Н. Ковалёва, В. А. Копылов, В. Н. Лопатин, Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров, М. А. Федотов [см. 26; 6; 27; 28; 29].

И. М. Рассолов выделяет десять видов общественных отношений, составляющих предмет информационного права. С ними связаны:

- 1) международный информационный обмен;
- 2) реализация основных информационных прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства в информационной сфере;
- 3) электронный документооборот;
- 4) электронная торговля и ведение предпринимательской деятельности с использованием информационных технологий;
- 5) обработка персональных данных;
- 6) библиотечное и архивное дело;
- 7) обеспечение информационной безопасности государства;
- 8) рассмотрение информационных споров;
- 9) Интернет и области связи и массовых коммуникаций;
- 10) организация и деятельность СМИ [5, с. 42].

Одни и те же отношения регулируются нормами различного порядка и отраслевой принадлежности, поэтому информационное право считается комплексной отраслью [5, с. 34]. При этом некоторые акты касаются сразу нескольких сфер, поскольку создавались в то время, когда некоторые типы отношений не были определены в отдельную область. Например, до 2009 г. доступ к информации о деятельности государственных органов затрагивался в трёх статьях Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-ФЗ). Наряду с этим типом общественных отношений в данном нормативном акте описывается и множество других, поэтому 9 февраля 2009 г. был принят Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (№ 9-ФЗ). В число источников информационного права России входят оба описанных документа.

Интенсивный рост сферы информационно-коммуникационных технологий вынуждает законодателей фиксировать в нормативно-правовых актах всё новые и но-

вые нормы права, чтобы своевременно регулировать возникающие отношения. Процесс кодификации норм идёт вслед за развитием технологий, а не опережает его, и это порождает ряд проблем.

Наиболее важная для России проблема заключается в том, что правоустанавливающие документы в сфере медиаправа создавались как бы в обратном порядке — от частных к общим. Из-за этого ряд отдельных отношений на данный момент остался «в стороне» от основного законодательного процесса. Кроме того, отсутствие в самом начале формирования правовой структуры единого системообразующего документа, от которого бы оттолкнулось информационное право России, привело к тому, что некоторые акты не вписываются в стройную схему.

В 2006 году в Докладе Совета Федерации о состоянии законодательства РФ отмечалось, что *«несовершенство нормативно-правового обеспечения РФ в сфере использования информации ... остаётся одним из ключевых факторов, сдерживающих развитие сферы информационных технологий»*. В этом же докладе заявлено, что *«действующее законодательство ... всё больше превращается в нагромождение бесчисленных изменений, не устраняющих пробелов и создающих противоречия»* [8, с. 71].

В этом же году в России была предпринята попытка частичной кодификации информационного права. Морально устаревший за 11 лет существования Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» заменили Законом «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Однако новый закон вызвал справедливую критику научного сообщества. В Комментариях к нему А.Г. Рихтер, в частности, так пишет о замене вышеуказанных нормативных документов: *«Прежний закон неоднократно критиковался за наличие пробелов, декларативность и бездейственность его норм. Но новый Закон оказался ещё лаконичней прежнего и не ввёл никаких механизмов повышения его действенности»*. Исследователь обращает внимание на то, что закон подтверждает свободу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом, провозглашённую в статье 3 Конституции РФ, однако не предусматривает реальные гарантии этой свободы [9, [http](#)].

Объединить в единую стройную систему разрозненные нормативные акты из области информационных правоотношений мог бы Информационный кодекс. Модель такого кодекса была принята в г. Санкт-Петербурге 30 апреля 2008 г. на 30-ом пленарном заседании межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. Модельный кодекс состоит из четырёх разделов:

- «Общие положения», описывающего основы информационного законодательства и гарантии защиты прав в информационной сфере, обозначающего субъекты и объекты данной сферы законодательства и роль государства в ней;
- «Основные положения», дающего определение информации, информационного продукта, документа, информационных услуг и работ, а также других понятий;
- «Информационные отношения. Оборот информации», определяющего границы массовой, статистической и других типов информации, порядок их распространения, использования, хранения и уничтожения;
- «Правовой режим информации», проводящего границу между открытой информацией, информацией с ограниченным доступом и ограниченного пользования [10, [http](#)].

Принятие Информационного кодекса даже в том виде, который предложила межпарламентская ассамблея ГУ СНГ, без поправок на государственные особенности, позволил бы значительно сократить не только количество подзаконных актов информационного права, но и уменьшить объём самих таких актов, для которых отпала бы необходимость постоянно проговаривать некие положения.

Например, в настоящий момент каждый нормативный документ России содержит в последней части пункт о том, что данный текст должен быть обязательно опубликован в течение определённого срока в определённом издании. Принятие модельного информа-

ционного кодекса избавит законодателей от постоянного обозначения этой процедуры, так как в статье 32 этого документа указано: «*Органы государственной власти ... обязаны публиковать информацию о своей деятельности на своих веб-сайтах ... или в СМИ. Порядок публикации ... определяется национальным законодательством*» [10, [http](#)]. Таким образом, данная формулировка вкуче с законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» облегчит тексты большинства новых законодательных актов.

Сейчас вопросом создания информационных кодексов в исследуемых нами государствах заняты только учёные. Последние упоминания об Информационном кодексе РФ на высоком государственном уровне датированы ещё 2009-ым годом в материалах Института государства и права РАН к Докладу Совета Федерации о состоянии российского законодательства в 2009 г. [7, с. 41]. И.Л. Бачило пишет, что такой кодекс необходим, чтобы системно и последовательно представить нормативную правовую основу упорядочения и регулирования информационных отношений [7, с. 450]. И. М. Рассолов уточняет, что кодификация рассматриваемого законодательства и создание Информационного кодекса сведут к минимуму «*расстыковку*» системы информационного законодательства и системы информационного права. При этом, как пишет исследователь, в Кодексе будет трудно чётко представить расположение всех институтов и норм информационного законодательства [5, с. 90]. Появление новых правовых образований и дополнительных системных связей внутри информационного законодательства не позволяет уложить все аспекты регулирования в строгую иерархическую систему [12, с. 44].

Большинство исследователей придерживаются мнения, что законодательство о СМИ является частью информационного права. И.Л. Бачило рассматривает массовую информацию и массовые коммуникации в России как «*важнейший институт информационного права в системе права на информацию*» [6, с. 300].

Существует и другой взгляд на проблему. А. Г. Рихтер отделяет массово-информационное право от информационного. Учёный объясняет разграничение тем, что в Конституции РФ «*отдельно говорится как о праве свободно ... производить и распространять информацию, так и о свободе массовой информации*» [13, с. 13]. Также он отмечает, что специфика нормативно-правовых актов, посвящённых отношениям в сфере сбора, производства и распространения массовой информации, позволила не только отграничить эти акты от существующих отраслей права, но и ввести новую учебную дисциплину на факультетах журналистики, а теперь — разрабатывать новую отрасль науки.

Особенности правовых систем в разных странах не позволяют вывести универсальное определение для комплекса нормативных актов, регулирующих сферу СМИ. Кроме того, официальная юридическая терминология зачастую не совпадает с терминологией, принятой в гуманитарных науках. Это усложняет анализ данного феномена, но не отменяет проблему: следует установить место массово-информационных актов в системе права, а также уточнить объём и уместность самого понятия «массово-информационное право».

Комплекс нормативных актов, регулирующий отношения в области массовой информации, чаще всего называется *медиаправом*. Данный термин используется наряду с терминами «*медиа-право*», «*право средств массовой информации*», «*право средств массовой коммуникации*» [14, с. 10], «*массово-информационное право*» и «*законодательство о СМИ*» [13, с. 12-14]. Термин «медиаправо» является калькой оборота *media law* (дословно — «право медиа»), используемого в англоязычных странах. За рубежом понятие вошло в обиход в середине XX в. вместе с нарастающим спросом на правовое регулирование деятельности масс-медиа. В СССР понятие медиаправа не использовалось и пришло уже в постсоветское пространство с появлением в новых государствах соответствующей законодательной базы.

В российской науке термин «медиа» не имеет чёткой области определения. А. В. Фёдоров определяет медиа как «*средства (массовой) коммуникации — технические средства создания, записи, копирования, тиражирования, хранения, распространения, восприятия информации и обмена её между субъектом (автором медиатекста) и объектом (массовой аудиторией)*» [15, с. 24].

К тому, что медиа — это устройства передачи информации, склонялся и Е. П. Прохоров. Учёный использовал достаточно наглядную метафору: «*Коммуникация (пусть массовая, коммуникология, коммуникативистика), как и медиа (масс-, новые и т. д.), — всё это hardware... устройства для передачи информации. Как вагоны ... поездов... создаются для того, чтобы можно было осуществлять перевозки..., так и медийные и коммуникационные средства изобретаются... для того, чтобы их можно было «нагрузить» информацией — тем, что называют software*» [16, с. 38].

Несмотря на активное использование слова «медиаправо», российские исследователи не дают его чёткого определения, опираясь на собственные представления о том, что входит в этот термин. Книга «Медиаправо России: документы, комментарии, вопросы и ответы» [17, 2005] представляет собой обзор документов и ситуаций, возникающих в работе журналиста и редакции. Автор-составитель не даёт определения медиаправа, но ясно, что он подразумевает под медиаправом не только комплекс нормативных актов, регулирующих деятельность в сфере СМИ, но и правоотношения, возникающие между субъектами этой сферы.

Как и всё информационное право в целом, медиаправо является комплексной отраслью — то есть в нём одни и те же общественные отношения регулируются нормами различного порядка и отраслевой принадлежности. Объединяющими факторами для этих норм являются объект и предмет регулирования, а также субъекты правоотношений. В России основными объектами медиаправа являются массовая информация, СМИ, периодическое печатное издание и программа, а субъектами — редакция, главный редактор, журналист, издатель и распространитель [18, [http](#)].

В разных странах границы этой области права определяются по-своему, в зависимости от места СМИ в системе объектов права. В неё, помимо собственно информационных, включаются отношения, регулируемые нормами гражданского, финансового, трудового права и так далее. Например, в России корреспондент, создающий текст по заданию редакции, одновременно реализует собственное конституционное право на свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ), право журналиста искать информацию и излагать свои личные суждения (ст. 47 ФЗ «О СМИ»), учитывает порядок ограничения доступа к информации (ст. 9 ФЗ «Об информации...»), выполняет обязанности работника (ст. 21 Трудового кодекса РФ) и вступает в ряд других правоотношений.

Основу российского медиаправа составляет Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» (от 27 декабря 1991 г.). Свою структуру он во многом унаследовал от Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» от 12 июня 1990 г., который стал первым в советской (и российской) истории комплексным актом, который регулировал однородные отношения в сфере массовой информации. Этот нормативный документ содержал 39 статей, посвящённых организации деятельности СМИ, распространению массовой информации, отношениям СМИ с гражданами и организациями, правам и обязанностям журналиста, международному сотрудничеству в области массовой информации и ответственности за нарушение данного законодательства. Одним из важнейших постулатов закона стала независимость прессы от государства. Федеральный закон «О СМИ» (1991 г.) включает семь глав с такими же названиями, но содержит 62 статьи, более подробно, чем в СССР, раскрывающие вопросы регулирования сферы СМИ. Исследователи, занимающиеся изучением медиаправа, ставят ФЗ «О СМИ», который продолжает действовать, в центр российского медийного законодательства и считают его отправной точкой для создания остальных российских норм в этой области.

Среди нормативных документов, формирующих законодательство о СМИ в России, следует отметить ряд ратифицированных международных актов. Прежде всего, это Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. Среди международных актов также следует отметить Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, ратифицированную Россией в 1998 г. [19, [http](#)].

Естественно, что в течение 1990-х годов комплекс нормативно-правовых актов, так или иначе касающихся сферы медиа в России, пополнился новыми документами. В него вошёл закон «О государственной тайне» (1993 г.), «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных СМИ» (1995 г.), «Об информации, информатизации и защите информации» (1995 г.), «О рекламе» (1995 г.), «Об экономической поддержке районных (городских) газет» (1995 г.), «О государственной поддержке СМИ и книгоиздания РФ» (1995 г.) и другие источники права.

К настоящему времени число документов, регулирующих правоотношения в области массовой информации в России, приближается, по разным данным, к восьмистам. Большой объём этого комплекса связан с тем, что исследователи традиционно включают в него любые нормативные акты, в которых упоминаются средства массовой информации — даже если это требование к неким органам опубликовать в общедоступном источнике ведомственную информацию.

Несмотря на широкий спектр используемых документов, российское медиаправо считается малоразвитым по сравнению с другими государствами бывшего СССР [13, с. 43]. Изучая уровень законодательного обеспечения свободы массовой информации в постсоветских странах, в 2002 г. А.Г. Рихтер составил список из пятнадцати критериев, которым должно отвечать идеальное законодательство о СМИ. Российское медиаправо соответствует только пяти признакам демократического права из указанных [13, с. 44].

В настоящее время в России продолжается расширение нормативной базы медиаправа. С 1 января 2012 г. по 1 июня 2013 г. вступили в силу 34 нормативных акта, регулирующих деятельность СМИ. Условно их можно разделить на семь групп: «Господдержка», «Защита СМИ», «Информационная безопасность детей», «Контроль деятельности СМИ», «Ограничение доступа / распространения информации», «Упрощение доступа / распространения информации», «СМИ как "четвёртая власть"».

Наибольшее число нормативно-правовых актов составляет группу «Ограничение распространения информации» и связанную с ней группу «Информационная безопасность детей»: девять и шесть документов соответственно. Предпосылкой для такого активного законодательства стало создание Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы, одним из ключевых принципов которой названо принятие необходимого комплекса мер по обеспечению соблюдения прав и восстановления нарушенных прав [20, [http](#)].

Также девять документов входят в группу с названием «СМИ как "четвёртая власть"». В нормативно-правовых актах декларируется возможность медиа создавать прецеденты для внеплановых проверок физических и юридических лиц. При этом в трёх документах оговаривается, что основанием для контроля являются сообщения в общероссийских СМИ.

Пять документов составляют группу «Контроль деятельности СМИ». Они определяют порядок проверок СМИ или являются уставными документами для создания контролирующих органов. Здесь нужно отметить, что прямо о формировании органа контроля ни в одном акте не говорится. Однако в действительности этим и будет заниматься, например, Управление Президента РФ по общественным связям и коммуникациям, уполномоченное наблюдать за объективным освещением политики, проводимой государством, и обязанное докладывать о результатах мониторинга руководителю государства [21, [http](#)].

Наряду с ограничительными нормативными актами в выборке присутствуют и документы, расширяющие возможности СМИ. В группу «Господдержка», посвящённую

документам о бюджетных субсидиях и дотациях для медиа, вошли пять документов. К группе «Упрощение доступа / распространения информации» отнесено четыре акта.

Наконец, отдельно стоит сказать о «Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы», в котором говорится о необходимости дополнительной юридической защиты для тех, кто информирует СМИ о фактах коррупции. Данный документ входит в отдельную группу «Защита СМИ».

Уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин в Докладе 19 февраля 2013 г. отмечает, что законы, принятые Госдумой IV созыва в первый год своей работы, «проходили через Федеральное Собрание в большой спешке и, возможно, поэтому содержат немало формулировок и понятий, страдающих правовой неопределённостью, а порой и просто неуместных» [22, [http](#)]. В качестве примера таких неопределённых формулировок В. Лукин приводит запрет нецензурной брани [см. 30], который «выглядит абсурдным в стране, где сама цензура запрещена Конституцией». Относительно комплекса законов, которые мы выделяем в группу «Информационная безопасность детей», Уполномоченный заметил, что «полагал бы необходимым в наступившем году осуществить мониторинг их применения на предмет выявления возможных пробелов и недочётов, в том числе обусловленных их необъяснимо быстрым принятием» [22, [http](#)].

Для реализации медиаправа важны не только его теоретические основы, но и практика применения. М.Г. Прошина считает, что именно в совершенствовании практики реализации законодательства о СМИ (а не в изменении этого законодательства) заключается и проблема ограничения свободы СМИ [23].

Таким образом, обзор медиаправа в России приводит к выводу, что отечественное законодательство в сфере медиа должно не только расширяться количественно, но и качественно совершенствоваться, для чего небесполезным было бы использование практики общественного обсуждения законопроектов, с привлечением экспертов из СМИ.

Список литературы

1. Окинавская Хартия глобального информационного общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>.
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2011 г. №1815-р г. Москва «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>.
4. Измерение информационного общества / [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICTOI-2012-SUM-PDF-R.pdf.
5. Рассолов И. М. Информационное право. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. — 352 с.
6. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право: учеб. для студентов вузов.— 2-е изд., с изм. и доп. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. — 723 с.
7. Бачило И. Л. Информационное право: учебник для магистров. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2013. — 564 с.
8. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2006 года «О состоянии законодательства в РФ» / Под общ. ред. С. М. Миронова, Г. Э. Бурбулиса. — М.: Совет Федерации, 2007. — 416 с.
9. Рихтер А. Г. Законодательство и практика масс-медиа [Электронный ресурс]. — 2006. — № 10. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1239269>.
10. Модельный Информационный Кодекс для государств-участников СНГ [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=43605>.
12. Антопольский А. А. Некоторые проблемы формирования информационного законодательства // Проблемы информатизации и информационного права. — Труды Института государства и права РАН. — № 5. — М.: ИГП РАН, 2009. — С. 32 – 45.

13. Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики: учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ВК, 2009. — 456 с.
14. Петрова Н., Якубенко В. Медиа-право. — М., 2007. — 276 с.
15. Фёдоров А. В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. — Таганрог : Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. — 64 с.
16. Прохоров Е. П. Терминологический аппарат — понятийно-смысловой скелет науки // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. — 2012. — №1. — С. 27 – 38.
17. Бусленко Н. И. Медиаправо России: документы, комментарии, вопросы и ответы. — Ростов-на-Дону : Издательство: Феникс. — 2005. — 285 с.
18. О средствах массовой информации: федеральный закон РФ от 27.12.1991 г. №2124-1: действующая редакция от 01.09.2013 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=148788;dst=0;ts=6AFF9236F024A46781767FD22993ACF4;rnd=0.6382817213889211>.
19. Федеральный закон № 54 от 30 марта 1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=18263;dst=0;ts=2F9A86B36981AFECES1B78745909DB39;rnd=0.1341247302480042>.
20. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=130516;dst=0;ts=91A1DC50D6C38FA00D453F5AC57E3922;rnd=0.8305234836880118>.
21. Положение об Управлении Президента РФ по общественным связям и коммуникациям. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=131368;dst=0;ts=B6E933873108F08D3E316CBD4625A00B;rnd=0.9555270068813115>.
22. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2012 год. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/03/29/lukin-dok.html>.
23. см. Прошина М. Г. Ограничение свободы СМИ и право граждан на информацию. // Конституционные чтения: Межвузовский сборник научных трудов. —Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2004. Вып. 5. — С. 119 – 123. Прошина М. Г. Перспективы развития информационной политики государства // Конституционные чтения. Межвузовский сборник научных трудов. — Изд-во Поволж. акад. гос. службы, 2007. Вып. 8. — С. 146 – 148.
24. Право и информация в условиях автоматизации управления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. — М. : [б. и.], 1975. — 25 с.
25. Проблемы компьютерного права. — М.: Юрид. лит., 1991. — 272 с.
26. Городов О. А. Информационное право. М.: Проспект, 2009.
27. Ковалева Н. Н. Информационное право России. Уч.пос. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. — 359 с.
28. Копылов В. А. Информационное право. 2002, 2-е изд., — 512 с.
29. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Информационное право. Издательство НОРМА, 2010. — 496 с.
30. Речь идет о ФЗ № 34 «О внесении изменений в статью 4 Закона РФ «О СМИ» и статью 13.21 КоАП РФ» от 5 апреля 2013 года. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=144614;dst=0;ts=09832FC0518BC672E8FF0362CB7F39CC;rnd=0.3378819690551609>.

MEDIA LAW IN RUSSIA: REASONS AND ACTUAL STATE

I. V. Mikulina
L. S. Shatalova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
mikulina@bsu.edu.ru
450379@bsu.edu.ru*

The paper discusses the problem of development of legisla-tive back-ground in the media sphere as a part of the Russian informational law.

Keywords: media law, information law.